

Политика советских органов власти в отношении католического костела в БССР (1920-е годы)

А. Д. ЛЕБЕДЕВ

Вопросы религии и церкви в БССР 1920-х годов находились одновременно в ведении нескольких ведомств и структур. При этом, между ними существовала определенная специализация. Например, Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) занималось осуществлением наблюдения за церковью, с одной стороны, и репрессиями в отношении духовенства и верующих, с другой. Партийные органы, в частности Польское Бюро ЦК КП(б)Б, совместно с Союзом безбожников – атеистической пропагандой, в меньшей степени наблюдением. Что же касается советов депутатов и их исполкомов, то они курировали административную политику. В отличие от ОГПУ, Польбюро ЦК КП(б)Б и Союза безбожников советские органы занимались не столько борьбой с религией и церковью, сколько претворением в жизнь нового религиозного законодательства (в т.ч. взаимодействием с различными церковными структурами). В частности, они заключали договоры с группами верующих на пользование культовыми сооружениями, лишали их права пользования таковыми, выдавали разрешения на строительство новых храмов, проведение крестных ходов, следили за соблюдением церковного законодательства со стороны религиозных общин и т. д. [1, л. 74–77]. На практике, кроме советов, эту работу выполняли их структурные подразделения: Административные отделы и Комиссии по отделению церкви от государства [2, л. 44, 46, 47].

Изучаемая проблема косвенно затрагивалась в работах О. Лиценбергер, М. Одинцова, М. Старовойтова, И. Янушевича и др. Однако специального исследования, посвященного политике советских органов власти по отношению к католической церкви в БССР 1920-х гг., нет. Основными источниками для написания данной статьи служат документы Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ), Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД), Административных отделов, Комиссий по отделению церкви от государства и т. д. Как правило, это инструкции, циркуляры, договоры, уставы, протоколы, списки и т. д. Большая часть использованных документов ранее не опубликована.

Целью данной статьи является исследование политики советских органов власти по отношению к католической церкви в БССР 1920-х гг.

Первым и пожалуй основным направлением в работе советских органов была регистрация религиозных обществ и заключение договоров на право пользования костёлами и каплицами. В соответствии с декретом от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и инструкцией НКЮ от 24 августа 1918 г. о порядке проведения в жизнь указанного декрета культовые сооружения подлежали национализации и переходили в ведение местных советов депутатов. Если верующие хотели продолжать пользоваться храмом, то они должны были заключить договор с местным советом на право пользования. Количество верующих, необходимое для получения храма в пользование, должно было составлять не менее 20 человек, отсюда и новое название коллектива верующих – «двадцатка». В случае отказа от заключения договора здание подлежало закрытию [1, л. 75; 3, с. 45; 4, с. 196]. Понятно, что решение о национализации вызвало активное сопротивление со стороны высшей иерархии католической церкви, не желавшей расставаться с собственностью, которая накапливалась веками. В 1918–1919 гг. митрополит Э. Ропн и архиепископ Я. Цепляк неоднократно призывали верующих оставаться на позициях канонического права и не подписывать с властями никаких договоров [4, с. 189; 5, с. 183]. Первые несколько лет власти, занятые гражданской войной и интервенцией, практически не обращали внимания на то, что католики игнорируют их решения. Однако в 1922 г. и особенно в 1923 г. начинается активное давление на римско-

католическую церковь с целью вынудить пойти на уступки. В результате по всей стране началось закрытие костёлов [4, с. 201–202; 6, с. 214].

Например, 1 апреля 1923 г. по решению Станьковского Волостного исполкома Минского уезда был закрыт и опечатан костёл в д. Вязынь, поскольку местные жители не заключили соответствующего договора с органами власти. При этом, как отмечал один из участников данного мероприятия, «верующие, наблюдавшие за опечатыванием, плакали, в особенности одна женщина, которая плача целовала то место, где стоит ксендз во время богослужения». В конечном итоге конфликт был улажен, и постановлением заседания Центральной комиссии по отделению церкви от государства от 31 мая 1923 г. община верующих получила разрешение заключить арендный договор на костёл [7, л. 6, 12, 13, 18, 18 об.]. В Борисове в том же 1923 г. верующие также отказались заключить договор на пользование, мотивируя своё решение «распоряжением Римского папы, запрещающим подобные акты». В результате 27 февраля костёл был опечатан. Но уже 29 мая председатель Борисовского уездного исполкома А. Хацкевич информировал председателя ЦИК БССР А. Червякова о том, что инцидент исчерпан и прокуратура занялась оформлением процедуры передачи костела в пользование верующим [8, л. 216].

Договор на пользование культовым сооружением подписывался с одной стороны, представителем местного исполкома, а с другой – председателем и членами костельного совета. Как правило, на практике совет состоял из пяти человек: председатель, секретарь и три рядовых члена, поэтому нередко назывался «пятерка» [2, л. 102, 103 об.; 9, л. 198; 10, л. 32; 11, л. 9]. Так, по условиям договора от 13 марта 1928 г., верующие д. Лапичи. Уваровичского района, Гомельского округа, принимали деревянную каплицу в «бессрочное, бесплатное пользование» на следующих условиях: «беречь ... народное достояние», молитвенный дом использовать «исключительно для удовлетворения религиозных потребностей», не допускать произнесения «проповедей и речей враждебных Советской власти», «производить оплату всех текущих расходов», «подчиняться как уже изданным, распоряжениям властей, как и тем, которые будут изданы в последствии» и т. д. [2, л. 122, 123].

Кроме договора, для регистрации составлялись также: устав религиозного общества, список верующих, список членов костельного совета, список служителей культа и опись имущества находящегося в молитвенном доме. Причем все эти документы должны быть представлены в трёх экземплярах.

Устав религиозного общества, как и договор, был типовым и состоял из нескольких разделов. Например, в уставе религиозной общины Петриковского костела в 1924 г. было пять разделов, отражающих цели организации, её состав, управление, финансирование и ликвидацию. Целью общины было «объединение граждан ... для совершения богослужений по католическому обряду», «делами общины ведает совет, ... который выделяет из своей среды президиум, состоящий из 5 человек», финансирование осуществляется только за счет добровольных пожертвований, для закрытия же религиозного общества требовалось соответствующее решение 2/3 всех его членов [12, л. 1–3].

В списке верующих, как правило, напротив фамилии, имени и отчества указывались возраст, место жительства, социальное и имущественное положение, род занятий и численность данной общины. Например, община Логойского костёла в 1924 г. состояла из 3 063 человек, а община Аннопольского костёла Самохваловичской волости Минского уезда в 1922 г. – всего лишь из 51 человека, и т. д. [11, л. 58 об.; 13, л. 14].

В списке членов костельного совета, напротив фамилии, как правило, указывались те же данные, что и в списке верующих. Характерно, что многие члены комитетов не побоялись указать свою принадлежность к дворянскому сословию до революции. Например, в комитете Аннопольского костёла в 1922 г. из пяти человек четверо до революции были дворянами. Нередко список «пятерки» объединялся со списком служителей культа. К последним, причисляли не только ксендза, но и органиста, если таковой был. Так, в 1924 г. Вязыньский костёл обслуживал только один ксендз Ф. Касперович, а в Блонском костёле (Пуховичский район, Минского округа) в 1925 г. служили одновременно ксендз И. Мациевский и органист Г. Дашкевич [14, л. 24, 26; 13, л. 9; 7, л. 33].

Опись имущества могла содержать не только перечень предметов, находящихся в храме, но и описание самого культового сооружения. Например, в 1922 г. в соответствии с данными описи Логойский костёл выглядел следующим образом: «Здание костёла каменное длиной 36 арш., шириной 16 арш., покрыто гонтовой деревянной крышей, на ней небольшая колокольня с одним колоколом. Изгородь костёла каменная и железная». В описи имущества, как правило, указывался стандартный набор богослужебных предметов: иконы, евангелия, сосуды, дарохранительницы, подсвечники, кадила, ризы, кресты и пр. [11, л. 110, 110 об.; 2, л. 124, 124 об.].

Однако не все костелы после серии закрытий в 1922–1923 гг. были переданы в пользование верующим. В качестве примера можно привести бывший доминиканский костёл в Минске. Нестандартность ситуации заключалась в том, что по данным Центральной Комиссии по отделению церкви от государства при НКЮ БССР общины верующих при храме не было, и «костёл опечатан как бесхозное здание, брошенное верующими на произвол». Более того – никаких заявлений на пользование зданием костёла в НКЮ не поступало. По этому Комиссия своим решением от 6 апреля 1923 г. постановила «костёл ликвидировать, передав здание для нужд Красной Армии» [8, л. 91 об.].

Второе направление работы советских органов – это контроль и наблюдение за деятельностью религиозного общества после его регистрации. Пункт № 31 инструкцией НКЮ от 24 августа 1918 г. гласит: «религиозные шествия ... допускаются лишь с письменного разрешения местной Советской власти» [1, л. 77].

Так, прихожане Минского Кафедрального костёла 14 сентября 1927 г. обратились с просьбой в местный Административный отдел разрешить провести крестный ход «от Кафедрального Костела до Кальварийской часовни и обратно». Просьба была удовлетворена, при этом, Административный отдел тут же проинформировал о планируемом мероприятии ОГПУ и Милицию [10, л. 80, 79].

Коллективные собрания священнослужителей католической церкви также не ускользали от внимания властей. Например, председатель Гомельского костельного совета Марцинкевич 6 сентября 1929 г. сообщал в местный Административный отдел, что «на храмовый праздник 14/IX с/г. приедут на 2–3 дня следующие ксендзы: из Минска Хмелевский, из Бобруйска Мустейкис, из Рогачёва Ярошевич, из Хойник Сак. Временное их местожительство: Пролетарская ул., № 41» [2, л. 76].

В обязанности местных органов власти входило наблюдение и сбор сведений за строительством новых храмов. 26 июня 1928 г. начальник Гомельского Окружного Административного отдела с пометкой «срочно» разослал следующий запрос начальникам районной милиции: «ці вытвараецца ў сучасны момант пабудова новых рэлігійных будынкаў (цэрквей, касьцёлаў і сінагог), у якіх весках, на якія сродкі, дзе і ад каго атрымалі дазвол на пабудову». К примеру, из Буда-Кошелевского района в отношении костелов через две недели пришел отрицательный ответ [15, л. 117, 125].

Не без внимания оставались и нелегальные религиозные общества. Даже непроверенные сведения подлежали обязательному уточнению. К примеру, 31 марта 1927 г. Минский Окружной Административный отдел запросил в Шацком райисполкоме информацию относительно нелегального римско-католического общества, которое якобы существует в д. Протасовщина. Через месяц из Шацка пришёл ответ следующего содержания: «У вёсцы Пратасаўшчына Рымска-Каталічнага вобшчства не маецца, а маючыся там веруючыя абслугоўваюцца ксяндзом, які прыязджае з зас. Заазер'е Слуцкае Вакругі 2–3 разы ў год у маючыся там капліцу» [10, л. 44, 47].

Членство в «пятерках» также контролировалось властями. Если верующий пожелал выйти из состава костельного совета, он должен был письменно уведомить об этом Административный отдел, где его снимали с учета [15, л. 61]. Однако, даже покинув общину, он не избавлялся от ответственности «за весь ущерб, нанесенный народному достоянию в период ... до подачи соответствующего решения» [2, л. 122, 123].

Благодаря поступавшей в Административные отделы и Комиссии по отделению церкви

от государства информации о легальных (зарегистрированных) религиозных обществах и действующих костёлах стали формироваться всевозможные списки, сведения, описи и прочие справочно-информационные и статистические материалы, дающие общее представление о жизни римско-католической церкви. Например, в конце 20-х годов на территории Гомельского округа насчитывалось 7 римско-католических костёлов и каплиц – в Гомеле, Речице, Хойниках, Чечерске, д. Рудня-Столбунской, д. Ухово и д. Люшево, которые обслуживали 4 531 верующего. Кроме того, в этих документах могли указываться точный адрес, дата страховки и т.д. [15, л. 18; 2, л. 41; 16, л. 14, 24]. В Минском округе в 1927 г. по данным Округной комиссии по отделению церкви от государства насчитывалось 17 костелов. Из них 2 в Минске, а остальные разбросаны по местечкам и деревням округа [10, л. 2–6 об.].

Третье направление работы властей – это охрана костёлов как памятников архитектуры. Осуществлением этой работы занимались сначала Наркомпрос, а затем Инбелкульт, в составе которого с 1924 г. существовала Комиссия по охране памятников [17, с. 119, 120]. Работники этой Комиссии собирали сведения об архитектурных сооружениях, проводили описания, фотографирование и высказывали свои соображения по поводу степени сохранности памятника и возможных мерах по его охране. Например, относительно упоминавшегося выше здания доминиканского костёла в Минске работник Инбелкульта Н. Щекотихин в 1925 г. заметил следующее: «Будынак патрабуе абароны ад зьнішчэньня. У сучасны момант заняты вайсковой часьцьцю» [18, л. 139 об.]. С 1926 г. власти стали принимать более активное участие в охране памятников архитектуры. Так, 5 июня 1926 г. СНК и ЦИК БССР утвердили список, состоящий из 94 памятников древности, которые должны охраняться государством. Во исполнение этого решения 31 мая 1927 г. Минокрисполком выдал на уже упомянутый бывший доминиканский костёл охранную грамоту. Характерно, что аналогичная грамота была выдана и на Дом I съезда РСДРП [10, л. 29 об., 30]. Что касается действующих костёлов, попавших в список охраняемых объектов, то к ним относился и Минский кафедральный костёл. В соответствии с постановлением Минокрисполкома от 31 мая 1927 г., «пятерке» (приходскому совету) этого храма было запрещено производить какие либо ремонтные работы без разрешения на то Комиссии по охране памятников [10, л. 32].

Четвертое направление работы связано с финансовой стороной вопроса – это взимание установленных платежей – страховок, налогов и т. д. С 1927 г. Госстрах резко увеличивает страховые взносы, взимаемые с культовых сооружений [19, с. 336]. Неудивительно, что это вызывает недовольства со стороны верующих. Например, в Полоцком округе на районной конференции трудящихся поляков в 1927 г. один из крестьян недоумевал: «Чаму за касьцел у 1926 г. мы плацілі 37 рублёў, а у 1927 г. 142 рублі». Похожие недовольства зафиксированы в Борисовском округе [20, л. 74, 75; 21, л. 101]. В 1930 г. верующие из д. Омнишево Плещеницкого района Минского округа вообще отказались платить за костел, несмотря на неоднократные напоминания со стороны страхового агента. В связи с этим, районное страховое агентство 2 апреля того же года просило местный райисполком принять меры к взысканию с неплательщиков суммы в 115 рублей 26 копеек [22, л. 150].

Пятое направление работы властей – это закрытие костёлов, с целью дальнейшего переоборудования под свои потребности. Первый раз с закрытиями костёлов духовенство и верующие столкнулись в 1922–1923 гг., однако после завершения сравнительно либерального периода середины 1920-х гг. закрытия возобновляются. Особенно активизируется этот процесс в 1929 г. после принятия 8 апреля постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях», когда в конфессиональной политике советской власти наступает крутой поворот. На смену относительно мягкому, либеральному курсу, имевшему место в середине 20-х годов, приходит куда более жёсткий [5, с. 169; 4, с. 246, 252, 255; 23, с. 29, 30, 37]. В частности, усиливаются репрессии в отношении духовенства, конфискуются колокола, закрываются храмы и т.д. [5, с. 168, 169; 24, с. 95].

На протяжении 1929–1930 гг. руководством принимается несколько важнейших документов, фактически санкционирующих массовое закрытие культовых сооружений в стране. Так, НКВД СССР в специальном циркуляре от 16 ноября 1929 г. указывал председателям

исполкомов советов на необходимость уделить более серьезное внимание надзору за деятельностью религиозных объединений [25, с. 81–83]. 30 января 1930 г. принимается Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором планируется «срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях, ... поручить Оргбюро ЦК дать директиву по вопросу о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и пр. и о борьбе с религиозным и сектантским движением» [26, с. 51]. В последнем случае решение принято не по советской, а по партийной линии, однако это не означает, что советские органы остались в стороне, т. к. решения высших партийных органов являлись обязательными для исполнения.

Принятие 11 февраля 1930 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» окончательно упростило порядок закрытия и ускорило этот процесс на местах [23, с. 45, 46].

Ниже приведем несколько конкретных примеров. Так, Кричевский костёл постановлением заседания Комиссии по отделении церкви от государства при Административном отделе Могилевского окружного исполкома от 19.03.1929 г. было решено использовать «дзеля культурных патрэб усяго насельніцтва мястэчка» [27, л. 104]. В январе 1930 г. был закрыт костёл в м. Бобр. Правда, местный совет решил использовать его не под культурное учреждение, а под зернохранилище [28, л. 9 об.]. Весьма показательна была ситуация в Гомельском округе – к началу 1930 г. из девяти костёлов и каплиц были закрыты шесть [29, л. 247]. Всего же за 1929–1930 гг. в БССР было закрыто 24 костёла [30, с. 96].

Таким образом, политика советских органов власти в отношении римско-католической церкви в изучаемый период проходит сложную эволюцию – от конфронтации в первые послереволюционные годы к сосуществованию и взаимодействию в середине 1920-х и, наконец, возврат к жёстким административным методам в конце десятилетия. Эта политика включала в себя следующие направления: регистрация религиозных обществ, контроль и наблюдение за их деятельностью, охрана костёлов как памятников архитектуры, взимание денежных платежей, закрытия костелов и переоборудование их под культурно-хозяйственные нужды.

Abstract. The paper considers the policy of Soviet authorities concerning the Catholic Church in the BSSR in the 1920-ies. It presents the main lines and evolution of the policy. The research is mainly based on archival documents.

Литература

1. Циркуляры, инструкции, указания НКВД и НКЮ. 1929 г. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.161. – Оп. 1. – Д. 193.
2. Материалы о регистрации религиозных обществ. 1928-1929 гг. // ГАГО. – Ф.161. – Оп. 1. – Д. 176.
3. Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. Сборник. Москва, 1961. – 112 с.
4. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая церковь в России / О. А. Лиценбергер. – Саратов : Поволжская Академия государственной службы, 2001. – 384 с.
5. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгорьева [і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
6. Красиков, П. А. Избранные атеистические произведения / П. Красиков – М. : Мысль, 1970. – 269 с.
7. Вязинский костёл: договор, устав, списки верующих, опись имущества. 1923–1924 гг. // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф.48. – Оп. 1. – Д. 58.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф.4п. – Оп. 1. – Д. 1104.
9. Списки верующих религиозных общин округа. Август 1924 г. // Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМ). – Ф.60. – Оп. 1. – Д. 53.
10. Переписка с окружной милицией, райисполкомами, с заведующими отделами

религиозных культов об отделении церкви от государства и школ от церкви. 1927 г. // ГАМО. – Ф.48. – Оп. 1. – Д. 65.

11. Договор с религиозной общиной Логойского Р-Католического костела в м. Логойск. 1922-1927 гг. ГАМО. – Ф.3. – Оп. 1. – Д. 12.

12. Списки верующих религиозных общин округа. Сентябрь 1924 г. // ЗГАМ. – Ф.60. – Оп. 1. – Д. 55.

13. Документы об отделении Аннопольского Римско-Католического костела Самохваловичской волости от государства. 1924-1927 гг. // ГАМО. – Ф.48. – Оп. 1. – Д. 60.

14. Договор с общиной Блонского Р-К костела Пуховичской волости. 1922 г. // ГАМО. – Ф.3. – Оп. 1. – Д. 10.

15. О религиозных культах. 1927–1928 гг. // ГАГО. – Ф.161. – Оп. 1. – Д. 29.

16. Сведения о количестве иностранцев, списки религиозных обществ. 1928 г. // ГАГО. – Ф.161. – Оп. 1. – Д. 177.

17. Несцячук, Л. М. Ахова гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: Асноўныя этапы фарміравання, сучасны стан і перспектывы / Л. М. Несцячук. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 286.

18. Протоколы. 1924–1926 гг. // Центральный научный архив Национальной Академии наук Республики Беларусь. – Ф. – 67. – Оп. 1. – Д. 9.

19. Янушевич, И. И. Формирование советской системы регламентации хозяйственной деятельности православных объединений в 1917–1930 гг. / И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1. Вып. 6 (11) / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2008. – 348 с. С. 331–338.

20. Протоколы заседаний польского бюро при Полоцком окружном КП(б)Б. 1927 г. // НАРБ. – Ф.4п. – Оп. 1. – Д. 3669.

21. Протоколы заседаний, отчеты о работе польского бюро при Борисовском окружном КП(б)Б. 1924–1925 гг. // НАРБ. – Ф.4п. – Оп. 1. – Д. 1928.

22. Перапіска са ўсімі ўстановамі і службовымі асобамі раёну, народным судом, міліцыяю і г. д. 1930 г. // ГАМО. – Ф.14. – Оп. 1. – Д. 111.

23. Одинцов, М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) / М. Одинцов. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

24. Wrobel, J. Polityka ZSRR wobec kościoła katolickiego w latach 1917–1939 / J. Wrobel // Polaci w kościele katolickim w ZSSR. Red. E. Walewander. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. S. 85–109.

25. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России, XX в. / М. И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 171 с.

26. Рэабілітацыя. Зборнік дакументаў і нарматыўных актаў па рэабілітацыі ахвяраў палітычных рэпрэсіяў 1920–1980-х гадоў у Беларусі / Укладальнік і аўтар каментарыяў Алег Дзярновіч. Мінск : Atheneum, Том III, 2001. – 178 с.

27. Протоколы заседаний польского бюро при Могилевском окружном КП(б)Б. 1927 г. // НАРБ. – Ф.4п. – Оп. 1. – Д. 3664.

28. ГАМО. – Ф.112. – Оп. 1. – Д. 2.

29. Переписка польбюро с партийными и советскими организациями по вопросам работы среди польского населения. 1926–1930 гг. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф.3. – Оп. 1. – Д. 114.

30. Старовойтов, М. И. Антирелигиозная деятельность партийно-советских органов на Гомельщине в 20–30-е гг. XX в. / М. Старовойтов // Религия и общество : актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. трудов / Под общ. ред. В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. С. 94–97.